

ГВЕН КУПЕР

ПРАВИЛА СЧАСТЬЯ КОТА ГОМЕРА

перевод ИГОРЯ ИЛЬИНА
и ЛЮДМИЛЫ ГОЛОВИНОЙ

ТРОГАТЕЛЬНЫЕ
ПРИКЛЮЧЕНИЯ СЛЕПОГО
КОТА И ЕГО ХОЗЯЙКИ

МИО∞

МИФ Культура

Гвен Купер

**Правила счастья кота Гомера.
Трогательные приключения
слепого кота и его хозяйки**

«Манн, Иванов и Фербер»

2009

УДК 82-94(111)
ББК 84(7Сое)6-49

Купер Г.

Правила счастья кота Гомера. Трогательные приключения слепого кота и его хозяйки / Г. Купер — «Манн, Иванов и Фербер», 2009 — (МИФ Культура)

ISBN 978-5-00-195045-5

Меньше всего Гвен Купер хотела кота. С ее заурядной работой и недавно разбитым сердцем. Но встреча с брошенным трехнедельным слепым котенком, которого Гвен назвала Гомером, переросла в любовь с первого взгляда. Гомер преподавал ей самый ценный урок: любовь – это не то, что вы видите своими глазами. Благодаря слепому котенку Гвен изменила свою жизнь и обрела счастье.

УДК 82-94(111)
ББК 84(7Сое)6-49

ISBN 978-5-00-195045-5

© Купер Г., 2009
© Манн, Иванов и Фербер, 2009

Содержание

Предисловие	6
Пролог. Кот, который жил[2]	8
Глава 1. Кто угодно, только не Штепсель	13
Глава 2. И что вы нашли в слепом коте?	19
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Гвен Купер

Правила счастья кота Гомера. Трогательные приключения слепого кота и его хозяйки

Оригинальное название:

Homer's Odyssey: A Fearless Feline Tale, or How I Learned about Love and Life with a Blind Wonder Cat

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

© Gwen Cooper, 2009

This translation is published by arrangement with Delacorte Press, an imprint of Random House, a division of Penguin Random House LLC

© Издание на русском языке, перевод, оформление. ООО «Манн, Иванов и Фербер», 2023

* * *

Лоренсу – навсегда

*...От Зевса приходит к нам каждый
Странник и нищий. Хотя и немного дадим, но с
любовью¹.*

ГОМЕР. Одиссея

---

¹ Цитаты из «Одиссеи» Гомера даны в пер. В. В. Вересаева. Здесь и далее примечания переводчика и редактора.

Предисловие

Когда я впервые увидела котенка, это был крохотный пушистый черный комочек, уместившийся в ладонях молодой женщины. Он ничем не отличался от любого котенка, пока не поднял голову и не издал леденящий душу вопль, совершенно неожиданный для существа не более десяти сантиметров от носа до кончика хвоста.

Он обернулся на звук моего голоса. И я увидела его глаза. У этого двухнедельного найденыша были явные признаки серьезной инфекции, которая грозила лишить его зрения, если не самой жизни.

Нашедшая котика пара, руководствуясь самыми лучшими побуждениями, буквально умоляла усыпить его. Несмотря на их уговоры, я положила котенка на специальный стальной стол и произвела тщательный осмотр, во время которого он энергично старался вывернуться из моих рук, молотил лапами и истошно мяукал. Наконец я объявила, что котенок, скорее всего, абсолютно здоров, если не считать состояния его глаз. Согласны ли они взять его себе, если я смогу вылечить его глазки?

По целому ряду причин пара не могла обеспечить необходимые условия для такого малыша. Они оба работали. У них была собака. У них было мало денег. И вообще, насколько велики шансы, что он когда-нибудь снова будет видеть?

Ну... шансы невелики. Если честно – никаких шансов. Я объяснила, что придется провести операцию по удалению глаз, чтобы спасти ему жизнь.

Я абсолютно уверена, что именно в этот момент я их упустила. Недоверчиво покачав головами, они решили передать его на мое попечение. Жалостливое мяуканье, вероятно, подтолкнуло их к этому выбору: они были убеждены, что котенок испытывает жуткую боль.

После того как пара согласилась оставить найденыша, я могла с полным правом приступить к его лечению – для его же блага. У меня еще оставались какие-то сомнения, но они быстро опали, когда стала понятна истинная причина его беспокойного поведения: котенок просто хотел есть. Мисочка кошачьего корма, разведенного заменителем молока, – и душераздирающие вопли стихли. Через несколько минут он уже мирно посапывал, что утвердило меня в решении лечить его глаза, не думая о грозящей слепоте.

В конце концов, рассуждала я, котенок еще не успел ощутить всей радости от способности видеть. В отличие от человеческих детенышей, кошки рождаются с плотно закрытыми глазами, которые открываются только на десятый – тринадцатый день. Похоже, инфекционное заболевание глаз у котика длилось довольно долго и практически наверняка помешало развитию зрения. После лечения он останется слепым, но даже не заметит этого. Как и у многих животных, нервная система котят способна перестраиваться, компенсируя тот или иной дефект ради выживания, с помощью процесса, который называется индивидуальной адаптацией к окружающей среде. За этим замысловатым термином скрывалась простая мысль: «Я не хочу его усыплять». Разве я могла отступить от своего долга – облегчать страдания живого существа, тем более что была возможность сохранить ему вполне достойную жизнь?

Спросите любого молодого ветеринара-идеалиста, и он, скорее всего, признается в совершении греха, который совершила в тот день и я, когда в моей жизни появился этот слепой котенок. Если животные чем-то больны, но их можно вылечить – и даже пристроить в хорошие руки, – то так тому и быть. Они затрагивают самые чувствительные струны наших душ своим потрясающим умением выживать и многообещающим потенциалом превращения из гадкого утенка в прекрасного лебедя.

Я понимала, что не могу держать слепого котенка в своем доме, где обитали маленький ребенок, большая собака и гуляла аллергия. Однако я также не могла оставить вполне здорового котенка погибать из-за такой досадной помехи, как отсутствие крыши над головой. Я рас-

суждала так: кто-нибудь из круга моих друзей и родственников наверняка подпадет, как и я, под его обаяние. И он обретет свой дом, нужно только найти человека, сочетающего в себе эксцентричность и эмпатию, необходимые для того, чтобы взять на себя заботу о существе с «особыми потребностями».

В течение следующей пары недель мне пришлось выслушивать отказ за отказом. Я задействовала всю свою семью, целый клан любителей животных, и они с полным сознанием долга старались распространить как можно шире информацию о слепом котенке, который нуждается в надежном и безопасном доме. Я размещала объявления и разыскивала друзей по ветеринарной школе, которые с энтузиазмом помогали жалким и убогим. Но никакие усилия не помогли найти потенциального хозяина.

К этому времени я оставила попытки найти аргументы в свое оправдание и перестала заниматься самобичеванием. После операции котенок вернулся к жизни – да так, что весь персонал клиники во главе со мной безвозвратно влюбился в него. Бывали дни, когда сама мысль о расставании с ним становилась невыносима.

Как я могла устоять перед очарованием его всклокоченной черной шубки, крохотных запавших глазниц, перед его ненасытностью во всем – в еде, ласках, играх? Да, он обожал играть, как любой нормальный котенок, несмотря на свою слепоту. Короче говоря, он был невероятным симпатягой... пожалуй, по любым меркам, если бы не один недостаток, который больше всего беспокоил людей, – его внешний вид.

Наконец одна молодая женщина, владелица двух собственных кошек, которых она лечила в моей клинике, пообещала приехать и взглянуть на найденыша. Но когда я вручила черный мохнатый комочек предполагаемой хозяйке, то почувствовала некоторую тревогу. Вдруг она станет смотреть на него с отвращением, как другие, и не решится взять на себя ответственность за такое странное, искалеченное существо?

Вопреки моим опасениям, она что-то зашептала ему. Взяла его на руки. И он замурлыкал. К моему великому удивлению и облегчению, она сказала: «Я его забираю», – за что я была ей бесконечно признательна.

Гомер был первым «безнадежным» пациентом в моей тогда еще короткой практике. Хотя с тех пор таких пациентов заметно прибавилось, тот первый опыт оказался весьма плодотворным и положил начало целой череде подобных сложных случаев.

«Правила счастья кота Гомера», без сомнения, будут по-разному восприняты разными людьми. Но для меня Гомер всегда будет очень личным напоминанием о том, что можно совершить с помощью достижений ветеринарии и всепобеждающего идеализма юности. Он будет всегда напоминать мне о том, что нет ничего невозможного, если есть взаимопонимание и взаимодействие между ветеринаром, любящим хозяином и пациентом с бойцовским характером.

История Гомера – это история, призванная стать уроком для всех нас.

Патрисия Кули, доктор ветеринарии

Dolittler.com

Майами, Флорида

Пролог. Кот, который жил²

*Муза, скажи мне о том многоопытном муже, что долго
скитался...*

ГОМЕР. Одиссея

Каждый раз, когда в конце дня я возвращаюсь домой, происходит одно и то же.

«Дзынь!» работающего лифта – для чуткого уха это первый и несомненный признак моего скорого появления. Вставив ключ в дверной замок, я уже сама слышу, как с другой стороны дверь подпирают мягкие лапки. Как-то я поймала себя на том, что открываю любые двери как можно осторожнее, чтобы случайно не толкнуть пушистое живое существо, прильнувшее к ним изнутри. Чуть проехавшись по полу, лапы отталкиваются от двери. Они сразу находят мою ногу и тут же начинают подъем к вершине, как будто это не я, а ствол дерева, на которое во что бы то ни стало должен вскарабкаться черный мурлыкающий комочек.

Чтобы обошлось без царапин и чулки не пострадали, надо скорее присесть на корточки. Кое у кого острые коготки, и, если их пустят в ход, запомнится это надолго. Так что зевать тут не приходится. В таком вот положении я нежно говорю: «И тебе привет, мишка Гомер!» (Прозвище «мишка» пристало к нему еще в детстве. Уж очень он походил на североамериканского гризли – и глянцевитым блеском, и пушистостью.) Для Гомера это сигнал забраться повыше, ко мне на колени. Положив лапки на мои плечи, он с тихим урчанием трется своим носом о мой нос. В этом звуке прорывается не то всхлип, не то взвизг – эдакое отрывистое «мяу». Легко обознаться и принять его за неуверенный лай месячных щенков. «Ну-ну, приятель», – говорю я, почесывая кота за ухом, что приводит его в совершеннейший восторг. Он оставляет мой нос в покое, тычется мордочкой в лоб, прижимается к щеке и снова упирается в меня лбом.

Не очень-то приятно, а то и больно сидеть на корточках, если ты на высоких каблуках. А отказаться от них я никак не могу: рост у меня полтора метра с кепкой, так что приходится как-то с этим бороться. Поэтому я медленно опускаю Гомера на пол и наконец вхожу в нашу с Лоуренсом квартиру (Лоуренс – это мой муж). Ключи, пальто, сумка – все немедленно отправляется в шкаф. Когда у тебя дома три кошки, ты моментально учишься прятать все вещи, предназначенные на выход. Иначе будешь долго и безуспешно обирать с них шерсть. Теперь, не снижая темпа, нужно нырнуть во что-нибудь этакое, чего никому нельзя показывать. За этим я и направляюсь в спальню. Следом движется черный ком, неуловимая тень. Забег с мебельными препятствиями. Он запросто скользит по полировке: с пола на стул, оттуда – на обеденный стол, со стола – снова на пол, словно неумный Q*bert из компьютерной игры. Не успеваю я пройти и половину пути, как эта тень меня обгоняет. В коридоре, едва приземлившись на крышку раздвижного стола, Гомер с безрассудной отвагой сигает по диагонали на третью полку книжного шкафа. Там он на мгновение замирает в крайне неустойчивом положении, ждет, пока я пройду, и вновь приземляется на пол. Хитрый маневр, чтобы обойти меня на повороте и первым ворваться в нужную дверь. Правда, он с разгона въезжает в бок другой кошки. Зато потом точно вписывается в левый поворот и первым пересекает финишную черту в конце Г-образного коридора. Естественно, и на кровать он прыгает первым. Какое-то время Гомер мается в ожидании, пока я не плюхаюсь рядом и не скидываю туфли. Тут-то он вновь забирается ко мне на колени, чтобы потереться носами и поурчать о своем.

Церемония приветствия не меняется день ото дня. Разнообразие в нее вносит только инспекция жилища после того, как я переоденусь в домашнее. Дело в том, что Гомер ну никак

---

² Отсылка к названию серии «уютных» детективных романов «Кот, который...» американской писательницы Лилиан Джексон Браун (1913–2011).

не может сидеть без дела. У него множество самых разносторонних увлечений, да и фантазией он не обделен. Попробуй угадать, какому из своих проектов он посвятит себя завтра. Лично мне эта задача не по силам.

На одной неделе мне казалось, что он решил установить рекорд по количеству предметов, сметенных с кофейного столика за день. Мы с Лоуренсом оба люди пишущие, и в доме, понятное дело, накапливаются как средства производства, так и продукты нашего труда: ручки, блокноты, отрывные листочки, случайные клочки бумаги (если вдруг осенит гениальная мысль). Все это до поры до времени мирно покоилось, то есть скрывалось от глаз, среди кипы ненужных журналов, карманных изданий в бумажных обложках, початых упаковок с салфетками, корешков квитанций, использованных билетиков, солнечных очков, отрывных спичек, коробочек с ментоловыми леденцами, пультов от телевизора и флаеров забегаловок, где готовят навывнос. И вот однажды мы возвращаемся домой и обнаруживаем, а точнее, *не* обнаруживаем на кофейном столике ровным счетом ничего. Ни книжек, ни ручек, ни пультов. Все это разбросано по полу не хуже, чем на полотнах Джексона Поллока³. Совместными усилиями мы с Лоуренсом возвращаем разбросанные вещи на их законное место. Заодно по ходу дела решаем, что кое с чем пришла пора расстаться. На этом мы и успокаиваемся. И напрасно, потому что уже на следующий день все повторяется. Так продолжается неделю, и не одну. Мы, конечно, заподозрили, что между кошками и абстракциями в духе Поллока есть причинно-следственная связь. Но у нас не было прямых улик против таинственного борца за порядок на кофейном столике. Не было до тех пор, пока однажды я не вернулась домой пораньше и не застучала Гомера прямо на месте преступления. Преступником себя он, однако, не считал. Напротив, его так и распирало от гордости и уж никак не от раскаяния.

– Может, так он выражает протест против... э-э-э... некоторой захламленности этого места, – поделилась я с Лоуренсом. – Может, его бесит, что всякий раз, когда он прыгает на столик, все вещи расположены как-то иначе. Не так, как он привык.

Тайная мотивация кошек Лоуренсу не интересна. «Тебе не кажется, что ему просто доставляет удовольствие сметать со стола все, что попадет под горячую лапу?» – вот мнение моего мужа.

Мы также научились накидывать крючок на петельку, чтобы наглухо запирать раздвижную дверь в кладовку. Маленькому коту, как выяснилось, ничего не стоит протиснуться в незаметную щелочку, чтобы попасть внутрь. Зачем? Да хотя бы затем, чтобы покачаться на развешанных джинсах (классный плотный деним, кстати, очень прочный материалчик, для скалолазания в самый раз). И где, как не в кладовке, можно забраться на самую верхнюю полку. Там же коробки со старыми фотографиями и всякой дребеденью с дней рождения и праздников в подарочных обертках. О, этот упоительный треск разрываемой бумаги! А если захочется вернуться с небес на землю, то для удачного приземления лучше всего подходит куча мягких, теплых вещей. Мусорные баки и корзины для бумаг – независимо от высоты! – идеальны для такого упражнения, как прыжки на точность. Но есть одна проблема: после удачного попадания в них они заваливаются на бок. Расплетание витых веревок, на которых висят книжные полки, требует усидчивости и сноровки. Зато как приятно понимать, что справился с почти неразрешимой задачей. Незабываемое ощущение. Ну а на полках стоят книги, которые падают с высоты с разным звуком. Одни издают тихий «шлеп». Другие – оглушительный «бабах» (если это толстые тома в кожаных переплетах из-под самого потолка). Сходного эффекта, хотя и с другим звуковым сопровождением, можно добиться и на музыкальном центре. Там стопочкой сложены сиди и дивиди. Никакого воображения не хватит, чтобы описать весь спектр проделок кота – от мелких пакостей до актов вандализма. Тем более если этот кот целый день

---

³ Пол Джексон Поллок (1912–1956) – американский художник, идеолог и лидер абстрактного экспрессионизма.

предоставлен самому себе. Впрочем, благодаря Гомеру я усвоила по крайней мере один ценный жизненный урок. Стоит тратить время только на толковые проекты.

Совсем недавно Гомер стал осваивать такой важный и новый для себя навык, как поход в туалет. Не знаю, почему в возрасте двенадцати лет ему взбренило прибавить этот трюк к своему репертуару. По слухам, некоторые хозяева нарочно отучают своих кошек от ящика с песком и приучают к унитазу. Но я никогда не слышала о том, чтобы кот добровольно решился изучать такой неестественный (для него) способ отправлять вполне естественные надобности.

Последнее его достижение на этом поприще всплыло совершенно случайно. Как-то раз, едва проснувшись, я, как обычно, направилась в ванную. Щелкнула выключателем и обнаружила, что место... уже занял Гомер, балансируя на краешке сиденья. «Прошу прощения», – сказала я автоматически, все еще пребывая в полусонном состоянии. И только потом, деликатно притворив за собою дверь, подумала: «Это еще что такое?»

– Ты знаешь, наш кот – гений! – поделилась я своим открытием с Лоуренсом в тот же день.

– Он будет достоин этого звания, когда научится спускать за собой воду, – ответил муж.

Что ж, искусство слива воды Гомеру пока неподвластно. Поэтому в воображаемый список ревизии по приходу домой я со вздохом вношу и туалет. Опрокинутые рамки с фотографиями, кухонные шкафы нараспашку, разбросанные безделушки-побрякушки, ну и, само собой, слив.

Оттого, что я и сама не знаю, что в очередной раз ждет меня дома, гостей я стараюсь предупредить заранее. Есть и еще одна простая причина: первое знакомство с Гомером может травмировать непосвященных. Правда, после встречи с Лоуренсом свидания остались в прошлом. К тому же я вошла в возраст, когда новые знакомые появляются реже, чем исчезают старые. Так что эта обязанность становится все менее обременительной.

Помню, лишь однажды я отступила от правила. Извиняло меня лишь то, что вечер клонился к романтическому продолжению. В такой атмосфере заводить внезапный разговор о кошках казалось неуместным. Гомер же, как назло, завел себе новую игрушку – тампон.

Случайно наткнувшись в ванной на этот предмет гигиены, он был совершенно покорен двумя его свойствами: легкостью, с которой тот катался по полу, и хвостиком на конце. Кот настолько впечатлился, что не поленился разведать, где эти прекрасные вещи хранятся. С ловкостью заправского взломщика он умудрился вскрыть тумбочку под раковиной и распотрошить упаковку. Когда мы с кавалером появились на пороге, Гомер по привычке кинулся меня встречать... с новой игрушкой в зубах. На фоне его иссиня-черного меха сомнительный аксессуар прямо-таки слепил белизной. С победоносным видом кот обошел прихожую и уселся на задние лапы прямо передо мной. Он явно не собирался выпускать тампон – все равно что верный пес, предьявляющий хозяину доставленную поноску.

Мой кавалер, по-видимому, слегка опешил, потому что с трудом выдавил несколько связанных слов: «Что за... это чего?..» Потом еще помялся и сподобился на полную фразу: «Что это у вас... э-э-э... с котом?»

Я опустила на корточки, чтобы Гомер запрыгнул в подол. Бесчестно добытый тампон остался лежать у моих ног.

– Глаз нет, – ответила я, – а так – ничего.

Несколько долгих мгновений мой знакомый переваривал сказанное.

– Как «глаз нет»? – наконец переспросил он.

– Ну, глаза-то были, – пояснила я, – но, чтобы спасти ему жизнь, у него отняли зрение. Тогда он был еще котенком.

* * *

По оценкам Гуманитарного общества, на сегодня в Штатах около девяноста миллионов кошек, на которых приходится всего около тридцати восьми миллионов котолюбивых американских семей. Так что в смысле статистики наш Гомер – кот учтенный. Как и любой другой кот, он ест, спит, гоняет по полу бумажные шарики и попадает в неприятности. И поверьте, этих неприятностей вдвое больше тех, от попадания в которые его удалось удержать. Как и у прочих кошек, у него есть свои твердые кошачьи убеждения по поводу того, что такое хорошо и что такое плохо. Хорошо, к примеру, это тунец из свежевскрытой банки. Хорошо вскарабкаться на что угодно, лишь бы оно выдержало твой вес. Хорошо с показной свирепостью налететь на своих старших по возрасту (и *сильно* превосходящих тебя габаритами) сестер, да так, чтобы застать их врасплох. Или вот вздремнуть в растекшейся лужице солнечного света в гостиной перед самым закатом – это тоже хорошо. Плохо – когда тебе не удастся застолбить «теплое местечко» рядом с мамочкой на диване. Еще плохо – когда кто-то отметился в твоём ящике с песком. Плохо – когда перекрыт путь к балкону (слепой кот плюс высокий этаж в итоге дают минус). И наконец, слово «нет» – хуже некуда. Вот, собственно, и все.

Говорить было бы не о чем, если бы Гомер укладывался в обычные «кошачьи рамки», нарисованные моим воображением. Но порой я думаю, что единственный язык, достойный жизнеописания Гомера, – это язык героического эпоса. Ведь он не просто кот, а кот, который жил вопреки. Бездомный, сирота, в две недели от роду лишился обоих глаз и никому не был нужен, особенно когда стало понятно, что уж кто-кто, а этот выкарабкается. Иногда он представляется мне не просто героем, а супергероем из детского комикса. Тот, спасая слепого, потерял зрение сам, а взамен приобрел сверхспособности во всем, что касается органов чувств. Подобно этому герою, полагаясь исключительно на уши и нос, Гомер мысленно наносит на «карту памяти» все пространство комнаты, где он побывал хоть однажды. И уже на второй раз с явной легкостью преодолевает или обходит любые преграды. Эта способность не столько побеждает законы природы, сколько, наоборот, ими и диктуется. Гомер чует чешуйку от тунца за три комнаты от нее. Он взмывает на пять футов в высоту, чтобы сбить на лету жужжащую муху. И это притом что для него любой прыжок со спинки стула или столешницы – прыжок на веру через пропасть. Погоня за мячиком по коридору – поступок, за которым скрывается непоказная смелость. За любой покоренной вершиной, будь то портьера или кухонная стойка, за любым предложением дружбы незнакомцу, за каждым интуитивным шагом в черной пустоте мира стоит чудо. И называется это чудо отвагой. Нет ни поводыря, ни тросточки, ни опознавательных знаков, предупреждающих о размерах или степени подстерегающей его опасности. Другие мои кошки, поглядев в окно, понимают: у мира, в котором они живут, есть пределы. Этими пределами и ограничивается их познание. А вот мир, в котором живет Гомер, безграничен и неисчерпаем для познания. Любая комната, где бы он ни оказался, содержит великое множество неизвестных величин с собственным содержанием. Она превращается для него в бесконечность. И, имея лишь умозрительное представление о соотношении времени и пространства, каким-то образом он вырывается за пределы и того и другого.

Гомер, собственно, попал ко мне потому, что никто не хотел его брать. Теперь же я не перестаю удивляться, как люди, даже не кошатники, принимают его историю близко к сердцу. Причем среди них есть и те, кто с ним сталкивался, и те, кто знают о нем заочно. Что ж, как тема для начала разговора Гомер выигрывает даже – кто бы мог подумать – у погоды. Я и помыслить о таком не могла, когда решила его взять. Вы можете считать меня предвзятой. Но даже притом, что на девяноста миллионов американских кошек должно приходиться не менее девяноста миллионов кошачьих историй, я пока не знаю ни одной, сравнимой с историей моего Гомера. Хотя бы раз в неделю, но на протяжении вот уже двенадцати лет нашего с ним

знакомства он нет-нет да и что-нибудь учудит. А мне остается только застыть с открытым ртом, либо прийти в бешенство, либо недоумевать в прострации. Всякий раз он заставляет взглянуть на него заново, будто впервые.

«Какая жалость!» – нередко слышу я, когда люди узнают о том, что в двухнедельном возрасте Гомер лишился зрения. На это я тут же отвечаю: «Покажите мне более жизнерадостного кота, и я – только за возможность увидеть такого – сразу выдам вам сотню». На эту сумму до сих пор никто не покусился. «Да, но как же он... э-э-э... выходит из положения?» – обычно следует вопрос. «На своих четырех, – говорю я, – как и любой другой здоровый кот». Правда, иногда ему случается слишком разойтись. Тогда до меня доносится глухой удар – *тюк!* Значит, двинулся головой о стену или ножку стула, о которых забыл в пылу игры. Сейчас у меня этот звук вызывает улыбку, хотя сердце по привычке екает. Но кто удержится от улыбки при виде того, как ваш кот, разыгравшись, шлепается с дивана и тянет за собой покрывало. Или когда он ошалело изучает стеклянную дверь, с которой не рассчитывал встретиться, гоняясь за невидимой добычей. Мое сердце заходится от другой мысли. Если бы существовало много параллельных миров, то в лучшем из них Гомера нашли бы всего-то неделей раньше. И тогда глазная инфекция из стадии «серьезной» ни за что не перешла бы в стадию «неизлечимой». Правда, в том, лучшем, мире Гомер так и не вошел бы в мою жизнь.

* * *

Есть такой еврейский праздник – Песах. Он знаменует исход народа Израилева из Египта, где он пребывал в рабстве, на поиски земли обетованной. Туда-то Моисей и повел свой народ по слову Господню. Самым любимым моментом празднества для меня была и остается веселая песня «Дайену». Она исполняется хором и сопровождается хлопками и притоптыванием. С иврита ее название можно перевести как «Довольно было б и того». Поется в ней о всевозможных чудесах, совершенных Господом во благо народа Израилева. Смысл приблизительно таков: любого из этих чудес довольно было б, но... «когда б он вывел нас из Египта, но египтян не наказал – дайену. Когда б он наказал египтян, но водам не велел бы расступиться – дайену. Когда б он водам велел расступиться, но манну небесную нам бы не дал – дайену!»

И так далее.

За долгие годы, что я знаю Гомера, я сложила собственную «дайену». Довольно было б и того, что он пережил в две недели от роду. Того, что он вслепую стал находить свою миску и ящик с песком. Того, что без поводыря научился пересекать границы комнат в доме. А как насчет умения бегать, прыгать, играть и делать кучу всего? Всего, на что он, по общему мнению, не был способен? Разве не достаточно? И уж точно довольно того, что каждый божий день он вызывает у меня улыбку уже дюжину лет.

А что, если бы он ничего не делал, а только был мне верным и ласковым другом, вечным источником радости, смелости и вдохновения? И этого было б довольно. Более чем.

Что мы называем чудом? Когда ты в безнадежном положении и *ничего хорошего* уже не ждешь. По крайней мере, так подсказывает рациональный, трезвый ум. И вдруг все оборачивается *как нельзя лучше*. Есть везунчики, которые наблюдают чудо каждый день.

Эта книга для тех, кто способен разглядеть чудо. Для тех, кто разуверился и думает, что чудеса для других. Для кошатников и закоренелых «котоненавистников». Для тех, кто полагает, что *норма* и *идеал* – одно и то же. Для тех, кто знает: иногда стоит отступить от того, что считается «нормальным». Это, кстати, очень обогащает жизнь.

Позвольте представить вам Гомера – кота, который и есть само чудо.

Дайену!

Глава 1. Кто угодно, только не Штепсель

*Двадцать до этого дней от Огигии острова гнали
Бури и волны меня. Зброшен теперь и сюда я
Богом, чтоб новым напастям подвергнуться.*

ГОМЕР. Одиссея

Много лет назад у меня было всего две кошки. Тогда я объявила, что если возьму себе третью, то назову Мяу Цзэдун, а проще – Председатель.

– И нечего на меня пялиться как на *полоумную*, – говорила я друзьям. Видимо, они в чем-то таком меня подозревали. – По-моему, очень даже забавно.

Шутка, впрочем, была с двойным дном. Сарказм состоял не столько в имени, сколько в самой вероятности того, что я когда-нибудь решусь на такой монументальный шаг, как завести еще одну кошку. Так, во всяком случае, мне казалось в мои двадцать четыре. После трех лет совместной жизни мы только-только расстались с Джорджем, а ведь я всерьез собиралась за него замуж. На моем попечении осталось все наше совместно нажитое потомство: кроткая, белая и пушистая Вашти и по-королевски невозмутимая дымчато-серая табби по имени Скарлетт. С одной стороны, я, конечно, радовалась, что со мной рядом будут две такие красавицы. С другой – осознавала, какие осложнения ждут нас в моем новом статусе. О подобных проблемах я и помыслить не могла, надеясь, что отношения с Джорджем продлятся вечность. В то время я ютилась у подруги в свободной спальне, лихорадочно пытаюсь наскрести на аренду и отвергая варианты вроде «Сдам кв. в отл. сост., недорого (без дом. жив-х!)». Нечего было и помышлять о романе с каким-нибудь обеспеченным аллергиком. Сама же я работала на благотворительную организацию «Юнайтед уэй оф Майами-Дэйд», которая в основном держалась на волонтерах. Именно поэтому в конце месяца на моем счете редко оказывалось больше полусотни долларов. Естественно, прививки, травмы, болезни подкашивали наш и без того скудный бюджет.

– ...Я уже не говорю о социальном аспекте, – подхватывала моя подруга Андреа. – А его суть в том, что в мире немало бродячих кошек, которых ты еще можешь пригреть, пока тебе двадцать четыре и ты одинока. Но, учти, не за горами день, когда соседские мальчишки начнут тыкать в тебя пальцем и называть не иначе как «старая дева Купер». На вопрос «Кто тут живет?» они станут отвечать: «Да старая карга Купер, кошатница. Она ку-ку, у нее не все дома...»

Я пока не ощущала себя «ку-ку», но кошки на душе и впрямь скребли. В таких обстоятельствах заводить разговор о третьем котенке равносильно тихому помешательству. Все равно что представлять себе, чего бы я только ни накупила, выиграв в лотерею.

Но в один прекрасный полдень, спустя всего несколько месяцев после расставания с Джорджем, раздался звонок. Это была Пэтти – самая младшая, всего на три года старше меня, из бригады ветеринаров, наблюдавших Скарлетт и Вашти. Она-то и поведала мне долгую и печальную историю. Такая вполне годилась для сериала длиной в жизнь, если бы их снимали для кошек.

У них в клинике, по словам Пэтти, бездомный котенок. Из-за запущенной вирусной инфекции ему удалили оба глаза. Та семейная пара, что принесла малыша, забирать его обратно не хочет. И вообще никто не хочет, даже те, кто изначально был готов приютить котенка с дефектом. Как оказалось, только не с таким. Она уже обзвонила всех, и этот звонок последний, прежде чем...

Договаривать она не стала, но в этом не было нужды... Я и без нее понимала, на что обречен слепой котенок, если его в ближайшее время не заберут из приюта при ветеринарной клинике.

«Нет-нет, – зазвучал у меня в голове хор из греческой трагедии. – Все это очень печально, но смертных ли это забота – идти против воли богов?»

Я принадлежу к числу тех, кто классику не только почитает, но и почитывает, и даже, признаюсь, взхлеб. Прекрасно осознаю, какую власть имеют надо мной слова. Швырнуть такими словами, как «слепой», «брошенный», «никому не нужный» и «сирота», – все равно что бросить человека в атаку на вражеские окопы с... игрушечным ружьем. Возможности у меня самые скромные.

Холодным аналитическим умом, свойственным моему внутреннему древнегреческому хору, я не обладала. Но не могла не признать стоящую за ним вековую мудрость, и потому...

– Забегу на него посмотреть, – ответила я и, помолчав самую малость, добавила: – Только я ничего не обещаю.

Признаться, я никогда не замечала за собой такой рассудительности: «Посмотрю, а там видно будет», когда вставал вопрос о приеме питомца в семью. Мне никогда и в голову не приходило «заглядывать животному в зубы», чтобы решить, насколько оно особенное и родственные ли мы души. Моя философия по поводу домашних зверушек не расходится с той, что я исповедую по отношению к детям. Что дано – то дано, и не тебе решать, как быть. Твое дело любить, любить безоговорочно, презрев вредный характер и недостатки. В моем детстве у нас находила приют самая разношерстная собачья публика. Кого-то бросили, а кого-то обидели бывшие хозяева. Кто-то явно не желал проситься на улицу. Кто-то обожал пожирать ковры и обдирать обои. Кто-то освоил ценный навык подкопа под забор, а кто-то имел склонность лязгать челюстями при малейшем испуге. Скарлетт и Вашти с разницей в год попали к нам от людей, подобравших их где-то в закоулках Майами полуторамесячными, полуголодными и полузаеденными блохами и прочей кошачьей гнусью. Я приняла их еще заочно, а при встрече оставалось их только забрать.

Вот почему, направляясь на встречу с Пэтти, я чувствовала, что поступаю с ней более чем бесчестно. Она-то не знала того, что известно мне. А я понимала, какой смысл вкладывала в слова «забегу посмотреть». «Не нужен мне никакой третий кот, во всяком случае сейчас» – вот какой. Но я почувствовала бы себя очень-очень плохой, если бы отказала наотрез, выслушав историю до конца. А маленькой оговоркой я сохранила за собой моральное право слезть с крючка.

– Мы просто обязаны его взять. Он должен жить дома, – решительно сказала мне Мелисса накануне вечером, когда я поведала ей историю слепого котенка. Мелисса мне не чужая – у нее-то я и жила в одноэтажном доме на две спальни с видом на Саут-Бич. Все затраты – оплату счетов, покупку продуктов и мелочей для дома – мы делим пополам. При этом я еще и пыталась выкроить деньги на съем жилья. Так что, когда Мелисса говорит «дом», она имеет в виду именно этот. Она замечательная, и она здесь хозяйка. На многое из того, что кажется мне непреодолимым, она обращает не больше внимания, чем на досадный глюк на экране монитора. Ни выросшие счета от ветеринаров, ни бесплодные попытки подыскать жилье на троих (или уже на четверых со мной вместе?), ни перспектива попасть в категорию «несвидабельных», как нынче говорят, – ничто не могло вызвать у нее состояния, даже близкого к агонии. Что касается последнего пункта, то лично я едва ли не наяву слышала мужские голоса откуда-то из будущего: «Вот что я скажу тебе, приятель: вообще-то, она отпадная, отнюдь не дура, и всё при ней, но три кошки в довесок... сам понимаешь...»

Честно говоря, я даже не успела задуматься о том, подхожу ли сама такому котенку. Тут, наверное, нужен особый уход, но в чем он заключается? И что делать, если он так и не научится сам передвигаться? Что, если мои кошечки знать его не захотят и устроят ему несносную, по

кошачьим меркам, жизнь? А если я сама окажусь не готова к тяготам подобной опеки? Я, которая и о себе-то позаботиться *не может*, если принять в расчет тот факт, что, по сути, я и сама бездомная.

Что меня вдохновило, так это произнесенное Мелиссой слово «мы». По крайней мере, есть на кого положиться. А раз так, где-то в потаенных уголках подсознания уже зашевелилась мысль: «А может, и впрямь рискнуть и привезти его сюда. Почувствую, что не справляюсь, – всегда есть Мелисса...»

– ... Но последнее слово, конечно, за тобой, – эхом донесся до меня ее голос. – Ведь, когда ты подыщешь себе жилье, вы, естественно, переедете вместе.

* * *

На встречу с ветеринаром я мчалась со всей скоростью, на которую были способны мотор и колеса. Меня подгоняло прежде всего чувство вины: не возьму я – не возьмет никто. Я – легкая мишень, когда дело касается животных, и все это знают. Я была ветераном среди волонтеров всевозможных организаций, которые помогали зверушкам по всему Майами. Когда еще мы жили с Джорджем, я часто приходила домой в слезах. Вопреки всем разумным доводам я умоляла забрать из приюта собачку или кошечку, которым грозила эвтаназия, если хозяин не найдется. Единственное столкновение с законом случилось у меня в студенчестве. Тогда я участвовала в акции протеста возле университетского центра по изучению приматов в собственном учебном заведении. Меня даже арестовали. А в школьные годы до самого здания школы меня всегда сопровождала стайка бродячих собак и кошек. Им я усердно скармливала свой завтрак, не задумываясь, как буду пребывать на большой перемене.

«Все потому, что у меня нет зрелого, твердого характера и трезвого ума, – сказала я себе почти со злостью, едва вписываясь в парковку. – Я слишком мягкотелая, а последствия оценить не умею. Это и привело, а вернее, довело меня до того, что я здесь. Ни своего дома, ни денег, ни семьи. А ведь мне казалось, что я много лет строю надежное будущее. И что в итоге?» Я поймала себя на том, что подспудно пытаюсь разозлиться. Видно, проще убедить себя, что ты злишься и на то есть причины, чем признать, что ты в панике.

На дворе стоял до свирепости удушливый поздний август. Над раскаленным асфальтом колыхались похожие на сказочных джиннов серебристые волны восходящего воздуха, словно немые стражи у врат ветеринарной клиники. Секретарша за приемной стойкой тепло, если не ласково, приветствовала меня и немедленно вызвала Пэтти. Та высунула голову из-за двери прямо за конторкой и пригласила меня: «Заходите же!» Я проследовала за ней вдоль рядов клеток с кошечками и собачками. Не то чтобы я не замечала их раньше. Скорее, не давала себе труда задуматься о том, что их ждет. Мне всегда казалось, что хозяева временно оставили их на попечение ветеринаров и вот-вот вернуться и все наладится. Только сейчас я поняла, что здесь бывших хозяев не ждут. Вся надежда на таких, как я: может, возьмут, а может, и нет.

В конце коридора, обшитого вагонкой, Пэтти отворила дверь в амбулаторию. На столе для осмотра пациентов стоял одинокий пластмассовый ящик, даже без крышки. «Чтобы лучше узнать друг друга», – кивнула Пэтти. Я подошла поближе и заглянула внутрь. «Какой же он крохотный», – мелькнула мысль. Обе моих кошечки оказались у меня примерно в том же возрасте. Но я уже и забыла, какими маленькими бывают месячные котята. С виду он весил меньше сотни граммов. Свернувшись в клубок, он замер у дальнего края ящика. Маленький пушистый комочек без труда уместился бы на моей ладони. В иссиня-черной шерстке ни проблеска друтого цвета. Зато она вся взъерошена, будто напитана статическим электричеством. Это черта всех маленьких котят, словно от слов «гладкий» или «прилизанный» все волоски у них встают дыбом. На месте глазниц – щелочки, стянутые швом. На шее – специальный пластмассовый воротник, чтобы малыш ненароком не добрался до швов.

– Я сшила веки, – объяснила Пэтти, – чтобы не было видно пустых глазниц. Со стороны кажется, будто он спит или еще не проснулся.

Глядя на шов в виде английской буквы Х, я подумала: пожалуй, она права. Мне отчего-то вспомнились детские мультяшки, где героя в отключке изображают, просто нарисовав крестик на зрачках.

– Эй, привет, – тихонько шепнула я и наклонилась пониже. Пусть голос звучит на одном уровне с его головой, а не гремит сверху, точно жуткие раскаты грома. – Привет, парень!

Черный пушистый комок, покачиваясь, поднялся на лапки. Я осторожно вытянула ладонь – она показалась мне какой-то чужой и великанской – и поскребла по доньшку ящика. Котенок потянулся на звук и, болтая головой под тяжестью пластмассового хомута, наконец уткнулся в мои пальцы и с любопытством их обнюхал.

Бросив вопросительный взгляд на Пэтти, я услышала: «Можете взять на руки, если, конечно, хотите».

Бережно вынув котенка из ящика, я прижала его к груди, поддерживая одной рукой снизу, а другой – под передние лапки, и прошептала: «Ну здравствуй, малыш».

Повернувшись на голос, котенок потянулся передними лапками к моему левому плечу. Сквозь хлопковое волокно рубашки я ощутила подушечки тонких лапок. Поднатужившись изо всех сил – даже мне это было заметно, – он попробовал вскарабкаться мне на плечо. Но коготки были слишком слабые, чтобы удержать его вес. Оставив безуспешные попытки, он вновь заворочался. Попытался ткнуться мордочкой в ямку на моей шее, насколько позволял воротник. Потом попробовал потереться мордочкой о мое лицо, но на щеке я ощутила лишь холодный пластик. Затем он замурчал. Воротник, точно раструб у рупора, многократно усиливал звук. Если доверять только слуховым ощущениям, казалось, что у моего уха жужжит маленький моторчик.

Изначально я предполагала, что слепой котенок неспособен выражать чувства. Этого-то, наверное, и опасались те, кто отказался его принять. Они втайне боялись, что питомец, у которого на мордочке не написано никаких чувств, неминуемо останется в доме чужим.

Разглядывая котенка у себя на руках, я вдруг поняла, что отнюдь не глаза служат зеркалом, в котором отражаются чувства и мысли. Их передают окологлазные мышцы. Именно они поднимают и опускают уголки глаз, собирают вокруг морщинки радостного удивления и придают им угрожающий прищур.

И пусть самих глаз у котенка не было, мышцы остались невредимыми. Судя по ним, его глаза сейчас были бы полузакрыты. Я отлично знала это выражение – оно часто появлялось на мордочках моих кошек. Выражение полного довольства всем и сразу. То, с какой легкостью пришло к нему это выражение, было хорошим признаком. Значит, несмотря на печальный опыт, в его маленькой кошачьей душе жила вера, что он все равно найдет себе место. Такое место, где ему будет тепло и спокойно.

Видимо, это место нашлось.

– Ну ради бога, будь по-твоему. – Я бережно положила его обратно в коробку и принялась рыться в сумочке в поисках салфетки. – Заверните... с собой.

* * *

Но Пэтти настояла, чтобы на всякий случай котенок пока оставался в приюте. Так она могла присмотреть за швами, чтобы, не дай бог, не попала еще какая-нибудь инфекция. Кроме того, хорошо бы котенку поднабрать вес, прежде чем столкнуться со всеми прелестями твердой пищи и двумя взрослыми кошками в придачу. «Вы сможете забрать его через несколько дней», – заверила она меня.

Таким образом, моя шутка о Председателе Мяу внезапно стала воплощаться в реальность. Вот только от задуманного имени я решительно отказалась.

– Такого впрямую назвать Штепселем, – предложила «добрая» Мелисса. – Того и гляди, воткнется где-нибудь в стену.

– Это ужасно! – воскликнула я. – *Ни за что* не допущу, чтобы его звали Штепселем и чтобы он «втыкался»!

– Была бы девочка, назвали бы Розеткой, а коротко – Розой, – не смутившись, повела плечом Мелисса. – Но, по-моему, Штепсель он и есть...

В свое время придумать имена для Скарлетт и Вашти мне не составило труда. Скарлетт попала ко мне уже с именем. Ее, вместе с остальными котятами выводка, нашел механик. Имя Скарлетт пришло ему в голову потому, что первые несколько дней кошечка без конца падала в обморок. А вот Вашти – настоящее библейское имя. Так звали персидскую царицу, которая отказалась танцевать обнаженной перед очами мужа своего, персидского царя, и его собутыльников на какой-то знатной пирушке. В наказание ее изгнали из страны. Похоже, в раннюю библейскую эпоху она стала одной из первых феминистских мучениц. Правда, *моя* Вашти, котенком похोдившая разве что на лысый мешок с костями, превратилась в экзотичную длинношерстную красавицу чуть ли не персидских кровей. Но будем считать это счастливым совпадением.

Меньше всего хотелось навешивать на котенка имя, которое бы напрашивалось само собой, пусть и самое знаменитое. (По этой причине отпали такие имена, как Рэй⁴ и Стиви⁵, которые, по мнению моих благожелательных друзей, как нельзя лучше подходили слепому черному коту.) Не хотелось и ничего вычурного или зловещего. Он обречен на слепоту до конца своих дней. Если имя что-нибудь да значит, то пусть слепота будет последним, на что указывает его имя.

Всю следующую неделю не было ни одного дня, в который я не навестила бы ветеринарную клинику. Если меня спрашивали зачем, я неизменно отвечала: «На его долю и так выпало немало, другому на всю жизнь бы хватило. Но каждому нужна возможность зацепиться за кого-то или за что-то, кроме самой жизни. А раз так, пусть привыкает ко мне – хоть по запаху, хоть по слуху».

Впрочем, причин переживать у меня было более чем достаточно. В некоторых не хотелось признаваться даже себе самой. Теперь он мой, мой бесповоротно, и я чувствовала себя обязанной хотя бы понять, как он «видит» окружающий мир, как находит в нем свои пути.

Вот почему каждый вечер после работы я забегала к Пэтти. Та доставала котенка из ящика и пускала нас в пустую амбулаторию, где он мог свободно передвигаться. Я тихо сидела в углу и наблюдала.

Я уже могла сказать, что он неутомимый исследователь. Вес пластмассового воротника, что висел, как щит у странствующего рыцаря во вражеских землях, мешал котенку держать голову прямо. Но и без этого «щита» он норовил держать нос поближе к земле. Комнатушка была небольшой, и вскоре он обнюхал каждый ее дюйм. Натолкнувшись на стену или стол, он тут же принимался трогать их лапками. Так инженер прикидывает размеры и толщину предмета.

Как-то раз он попытался взобраться на стул в углу комнаты, но пока что это была единственная попытка покорить неизведанные вершины, хотя большое комнатное растение в про-

---

⁴ Рэй Чарльз (1930–2004) – американский слепой музыкант, автор более 70 студийных альбомов, один из известных исполнителей музыки в стилях соул, джаз и ритм-энд-блюз. Был награжден 17 премиями «Грэмми», попал в залы славы рок-н-ролла, джаза, кантри и блюза, в зал славы штата Джорджия; его записи были включены в Библиотеку конгресса США.

⁵ Стиви Уандер (р. 1950) – легендарный американский слепой соул-певец, композитор, пианист, ударник, аранжировщик, музыкальный продюсер и общественный деятель, оказавший огромное влияние на развитие музыки XX века. Двадцатипятикратный лауреат премии «Грэмми», один из основоположников классического соула и ритм-энд-блюза.

тивоположном углу было не менее привлекательным. Он уже начал принохиваться к нему. Тогда мне впервые пришлось сказать котенку нет. Не хватало еще, чтобы он вывалился в земле или, что совсем не лучше, свалил само растение, ободрав ему листья.

Наконец наступил день, когда все еще безымянного котенка можно было забрать домой. Я уже стала побаиваться, что он обречен жить Штепселем по умолчанию. Никаких других вариантов не придумалось.

Срочно требовалось имя, но не любое, а именно его. И тут он представился мне героем некой повести. В его жизни и впрямь было нечто схожее с сюжетом хорошей книги: испытания, страдания, чудесное воскрешение и множество преград, которые еще предстояло преодолеть.

Вот тут-то мне и пришло в голову, что он был не только героем, но и автором своей повести. Причем, не имея представления о том, как выглядит мир, он должен был «рисовать» в своем воображении какие-то образы. Хотя бы для того, чтобы объяснить этот мир самому себе. А как иначе понять, что такое стул? И не просто стул, а стул, который загадочным образом преградил тебе путь сегодня, ведь еще вчера его там не было. Что *представляет* собой стул? Откуда они вообще берутся, эти стулья? И зачем? А как объяснить себе то, что, как бы тихо ты ни крался, всеведущая «приемная мать» уже знает, что ты замыслил что-то запретное еще до того, как ты его совершил? Когда (в четвертый раз!) он попытался забраться в большую, полную земли кадку с растением и в четвертый раз услышал внезапное твердое «нет», на его мордочке собрались морщинки недоумения. Знать разницу между «неслышный» и «невидимый» он, конечно, не мог. «Я ступал так тихо – откуда она все знает?!»

Когда в семье появляется питомец, вы думаете, что в истории вашей жизни он будет персонажем второго плана. В нашем случае мне стало казаться, что в истории его жизни второстепенным персонажем буду я. Из неуверенной в себе, неустроенной, одинокой девушки с тремя... кошками на шее я превратилась в некое верховное божество. Всезнающее и всевидящее, милосердное и непостижимое.

Я наблюдала, как неуверенно и неловко он пересекал пространство комнаты – местность, на мой взгляд, с немудреным рельефом. Да и расстояния плевые. Для него же она была и необъятной, и неведомой. Он как раз пытался вылавировать между Сциллой и Харибдой – ножкой стола и мисочкой с водой, когда споткнулся на ровном месте и сунулся мордочкой в воду. Не успел он испугаться, как я подхватила его на руки, приговаривая: «Хороший котик, хороший мальчик». Он тут же замурчал, удовлетворенный милостью небес. А вот упорству его можно было только позавидовать. Он столько раз наталкивался на миску с водой или неправильно рассчитывал высоту, запрыгивая на стул. Столько раз бился о ножку стола, позабыв о ней. Но всегда продолжал идти вперед. Казалось, он твердил себе: «Там, по другую сторону преграды, есть такое место, куда я должен обязательно попасть. Там меня ждут дела, которые без меня никто не осилит».

В поисках этого места и метался наш герой. Мало того, он еще и придумывал собственных героев и слагал свои мифы о богах. Зачем? Затем, что мифы для того и нужны: объяснить необъяснимое. Он был Одиссеем. И он же был слепым рассказчиком, выдумавшим Одиссея. Жизнь представлялась ему бескрайним эпосом, потому что границ он попросту не видел.

Теперь я знала, как зовут котенка.

– Гомер! – сказала я вслух.

Он протяжно мяукнул в ответ.

– Что ж, хорошо. – Я была рада, что он согласен. – Значит, Гомер.

Глава 2. И что вы нашли в слепом коте?

*Ребячьими жить пустяками
Время прошло для тебя, не таков уже ныне твой
возраст.*

ГОМЕР. Одиссея

Еще когда мы с Гомером только-только узнавали друг друга в надежных стенах ветеринарной клиники у Пэтти, Мелисса не теряла времени даром. Она разнесла весть о появлении Гомера по всем ближайшим друзьям. Внезапный вопрос: «Вы, кстати, слышали: мы собираемся взять слепого котенка?» – независимо от предыдущей темы неизменно переводил разговор в новое русло. За ним сыпались встречные вопросы: «Слепого? Слепого? Совсем без глаз?» Так что, еще до того как он появился в доме, его история, обрастая слухами, вошла в летопись семейных преданий и курьезов. А из них, собственно, и складывается история жизни. К примеру, моя мать надумала рожать меня прямо во время рок-концерта на две недели раньше срока, потому что «Гвен хотела услышать музыку своими ушами». Мои родители слово в слово повторяют этот рассказ все тридцать пять лет моей жизни. (Выбери я вместо писательства карьеру рок-певицы, эта история имела бы куда больший общественный резонанс.)

Я тоже ловлю себя на том, что, рассказывая сейчас о Гомере, пользуюсь словами и интонациями, взятыми из прошлого. Но это из-за того, что за долгие годы ничуть не изменились сами вопросы, на которые я всегда – *всегда* – должна была отвечать. О Гомере меня спрашивали сотни разных людей, и все – абсолютно все! – их вопросы можно было свести к трем: «Как он лишился зрения?», «Как обходится без глаз?» и «Как находит лоток с песком и плошку с едой и водой?».

Несмотря на такое разнообразие, за эти годы мне вовсе не надоело отвечать. И отнюдь не потому, что я так уж люблю рассказывать о своих кошках. Ведь даже притом, что я свыклась со слепотой Гомера, меня не оставляет чувство гордости. Мой котенок вырос невероятно отважным, сообразительным и счастливым.

Недавно я выбралась поужинать с одной коллегой, и разговор незаметно зашел о Гомере. Она как раз рассказывала мне о своем котенке, которого взяла несколько месяцев назад. Я же взамен потчевала ее рассказами о приключениях и – куда без них? – злоключениях Гомера. Как и большинство тех, кто слышали о нем впервые, она сочла его историю крайне занимательной. Затем ошарашила меня вопросом: «И что вы нашли в слепом коте?»

Если бы этот вопрос задал кто-то другой, он мог бы показаться вызывающим, если не издевательским. Мол, «зачем он вам сдался, слепой-то?!» Но только не в ее устах. Лицо коллеги выражало доброе участие, в голосе – ни нотки сарказма, лишь неподдельная заинтересованность. Вопрос был задан прямо, без экивоков и подразумевал такой же ответ.

Вознамерившись ответить именно так, я было открыла рот. Но впервые за двенадцать лет готовой фразы не нашлось.

Не нашлось потому, что, поскольку никто до этого ничего такого не спрашивал, мне и в голову не приходило, что когда-нибудь подобный вопрос прозвучит. Я поймала себя на том, что впервые задумалась над ответом, и тут же поняла, почему никто и никогда не задавал мне этот вопрос. Потому что, на первый взгляд, ответ был очевиден. Одно из двух. Либо я настолько прониклась его печальной судьбой, что виноватила бы себя всю оставшуюся жизнь, если бы обрекла его на угасание в сиротском приюте. Либо с той минуты, как я взяла его на руки, мы почувствовали такую взаимную привязанность, что расставание стало немислимым. Эти

причины считали истинными даже мои ближайшие друзья. Я уже не говорю о родственниках, которые по своему положению должны знать меня лучше других.

Так вот, все ошибались.

Единственным, едва ли не всепоглощающим чувством в первые месяцы после разрыва с Джорджем было ощущение провала. Как будто я провалила свой самый первый экзамен на взрослость. Все, не исключая меня, были уверены, что мы с Джорджем обязательно поженимся. Какой смысл тратить на кого-то три года, если делу конец не венец? И вдруг одним прекрасным солнечным воскресным утром Джордж со всем ко мне уважением заявляет, что больше меня не любит. Заявляет как ни в чем не бывало.

Будь я честна с собой, я бы и сама признала, что тоже его разлюбила. Когда мы познакомились, мне был двадцать один год. Но уже в двадцать четыре я с трудом могла понять ту девочку, которая когда-то по уши влюбилась в Джорджа. От нее осталась коробка, полная старых фотографий, на которых был запечатлен кто-то, отдаленно напоминающий меня формой носа и глазами, в каких-то несуразных одеждах и с прической, больше подходящей институткам, но уж никак ни мне нынешней. Во мне зародились смутные подозрения – разумеется, подсознательные: что, пока ты меняешься сама, то, что казалось тебе пределом мечтаний каких-нибудь три года назад, новой тебе уже таковым не кажется. И всё же слова «я больше тебя не люблю» стали ударом под дых. «А что, если новая я, – не отпускала меня мысль, – уже неспособна вызывать любовь?»

Вдобавок меня стали терзать сомнения по поводу карьеры. Пока мы были вместе, мое мизерное, как и везде в этой области, жалованье в неприбыльной организации представлялось мне чуть ли не дополнительной роскошью. Ведь Джордж получал более чем достойную зарплату. На новом жизненном этапе меня вдруг осенило: слово «жалованье» произошло от «жалеть». Надо было что-то менять. Но я не понимала, гожусь ли для такой работы, где в день полочки было бы не о чем вздыхать.

Утверждать, что я окончательно утратила веру в себя, было бы решительным преувеличением. Но, по сравнению с прошлым годом, оптимизма явно поубавилось.

Я не смогла ответить нет на звонок Пэтти, когда услышала историю Гомера впервые. Но это вовсе не означало, что я не скажу нет потом (вообще-то, именно это я и собиралась сделать, намеренно оставив себе лазейку). Какой бы печальной ни была судьба Гомера, я вполне понимала, что не в силах спасти всех и каждого. Даже тех, кто этого заслуживал. Я убеждала себя, что и так уже приютила двух бездомных кошечек. Делала все возможное, чтобы они чувствовали себя как дома. Возможно, я бы еще долго ненавидела себя за свое «нет» и даже плакала целыми ночами. Такое уже случалось, когда я возвращалась домой после волонтерства в приюте для животных. Но, в конце концов, это можно было пережить.

Правда и то, что, когда мы наконец встретились, Гомер тут же забрался ко мне на руки, всячески выказывая свою любовь и желание быть любимым мной. В свою очередь, держа его на руках, я не могла отделаться от одной назойливой мысли, что если бы на *моем*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.